

**ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРЦЕССИИ
В РОССИЙСКОМ ИНСТИТУТЕ ПОРУЧИТЕЛЬСТВА**

В. С. Шевченко

*Муниципальное казенное учреждение «Управление образования»
(Республика Саха, Якутия)*

Поступила в редакцию 15 января 2019 г.

Аннотация: автор статьи убежден, что современный гражданский товарооборот в стране требует вариативности в преемстве долга в обязательственных отношениях. В российском законодательстве кодифицирован лишь институт перевода долга, в то время как в некоторых европейских странах, в частности в Швейцарском обязательственном законе, используется иной, достаточно простой и эффективный способ перемены должника в юридической сделке – интерцессия. Применение данного метода преемства долга сопровождается хорошо разработанной доктринальной базой, обогащенной многолетней практикой. Методом сопоставления отечественного правового института поручительства и интерцессии в Швейцарском обязательственном законе автор статьи попытался доказать наличие элементов иностранного правового института в поручительстве, памятуя о том, что еще российские цивилисты XIX столетия признавали поручительство разновидностью интерцессии. Проводя параллель между отечественным поручительством и швейцарской интерцессией, автор предполагал, что правовое осмысление особенностей составляющих частей конструкции института поручительства обеспечит участников торгового оборота юридическими гарантиями, что позволит осуществлять факт перехода обязательства с положительным разрешением как основных, так и второстепенных вопросов.

Ключевые слова: обязательственные отношения, преемство долга, интерцессия, институт поручительства, институт перевода долга, доктринальная база, законодательное регулирование, система обеспечительных мер, элемент, конструкция, торговый оборот, юридические гарантии.

Abstract: the author of the article is convinced that modern civil commodity turnover in the country demands variability in succession of a debt in the obligatory relations. In the Russian legislation there is only the institute of the transfer of the debt while in some European countries, in particular in the Swiss obligatory law, other, there exists a rather easy and effective way of change of the debtor in the legal transaction – an intercession. The application of this method is based on the well-developed doctrines enriched with long-term practice. By method of comparison of the domestic legal institute of the guarantee and intercession in the Swiss obligatory law the author of the article tried to prove the existence of elements of foreign legal institute in the guarantee, bearing in mind that Russian civilians of the XIX century else recognized the guarantee as a kind of the intercession. Drawing a parallel between the domestic guarantee and the Swiss intercession, the author assumed that legal judgment of features of components of the guarantee institute structure will provide participants of a trade turnover with legal safeguards that will allow to carry out the fact of

transition of the obligation with the positive solution of the main and minor questions as well.

Key words: *obligational relations, succession of a debt, intercession, institute of the guarantee, the transfer of the debt, doctrinal basis, legislative regulation, system of securing measures, element, structure, trade turnover, legal safeguards.*

Интерцессия как способ преемственности долговых обязательств третьим лицом, не имеющим материального интереса в юридической сделке, не отражена в отечественном гражданском законодательстве, но это не отрицает наличия ее элементов в отдельных правовых институтах, в частности в поручительстве, что и будет рассмотрено далее.

Цивилистике известен довольно обширный перечень понятий об интерцессии, сформулированных разными исследователями юридического феномена. Одно из них – видение В. А. Белова: «В отличие от перевода цессия долга или пассивная цессия (интерцессия) – это смена должника в результате договора, по которому одна сторона (новый должник) принимает на себя обязанность перед другой стороной (кредитором) произвести исполнение определенного обязательства за третье лицо (должника), в то время как кредитор освобождает или обязуется освободить от обязанности старого должника»¹. Кратким, но отражающим самый существенный признак правового института, на наш взгляд, является и высказывание Г. Дербурга: «Под интерцессией понимается принятие на себя долга, материально чуждого лицу, которое приняло его на себя»². Точность и смысловая полнота предложенных понятий исключают необходимость цитировать в качестве примера иные рассуждения о сути интерцессии. Отметим лишь, что, с точки зрения М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, «третье лицо – это тот, кто, не относясь к числу контрагентов, оказывается в юридически значимой связи с одним из них либо с обоими. <...>. Участие третьего лица на пассивной стороне выражается в одной из двух форм: третье лицо выступает как исполнитель обязательства или как пособник должника»³. Квалифицируя третье лица по данной «микрошкале», конкретизируем: интерцедент сразу берет на себя функцию исполнителя обязательства, поручителя же можно смело причислить к «пособникам» должника.

Представляется важным пояснение безапелляционного утверждения в преамбуле статьи и фразе ученого об отсутствии материального интереса у третьего лица в рамках обсуждаемой темы.

Попытаемся привести доводы, позволяющие делать подобное заявление.

Если не существует первичного договора, где два субъекта: кредитор и должник, четко обозначается обязательство последнего, о третьем лице не может быть и речи. Эта мысль рельефно выражена А. М. Нолькеном: «...поручительство есть самостоятельное по предмету обязательство, но

---

¹ Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2007. С. 148.

² Дербург Г. Обязательственное право. М., 1911. С. 216.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. 2-е изд. М., 1999. С. 4.

дополнительное, ибо всегда примыкает к главному и от него зависит, разделяет судьбу его, прекращается и уменьшается с его прекращением и умалением; однако имеет свое особое основание ответственности»⁴. Приведенные выше в качестве примера понятия интерцессии иллюстрируют идентичные с поручительством детали механизма юридической сделки.

При заключении основного (первичного) соглашения материальный объект переходит от кредитора к должнику.

Обязательство пассивной стороны договора – устойчиво, без обоюдного решения сторон сделки – неизменно.

Так как актив пассивной стороны договора пополнился, а кредитора – в равной степени уменьшился, главным и первоочередным ответчиком при удовлетворении требования верителя является должник.

Безусловно, указанные обстоятельства не представляют собой исчерпывающего списка доказательств, тем не менее есть основания считать их весьма убедительными в признании третьего лица «непричастным» к имущественному элементу обязательственного правоотношения кредитора и главного должника.

И как первое свидетельство существования элементов интерцессии в институте поручительства следует отметить, что «диагностированный» факт отсутствия материального интереса нового должника в обязательственных правоотношениях является характерным признаком и института поручительства. Данное свойство отражено в определении юридической сделки К. Бернштейна: «Поручительство есть обещание, данное в обеспечение чужого кредитора исполнить обязательство его должника, если последний не исполнит его»⁵.

Придерживается ли подобного взгляда на миссию поручительства современное российское законодательство? Ответ на вопрос находим в ст. 361 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁶, в соответствии с которой поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части.

Представляется логичным продолжить рассуждения выводом А. М. Нолькена, кто, «рассмотрев ...главнейшие определения понятия о поручительстве, данные наукою и законодательствами...», приходит к следующему заключению: «Поручительство есть договорное обязательство, в силу которого одно лицо, называемое поручителем, обеспечивает другому лицу исполнение обязательства его должника, принимая на себя, хотя и совместную с последним, но лишь придаточную ответственность за означенное обязательство»⁷. Цивилист подчеркивает акцессор-

⁴ Нолькен А. М. Учение о поручительстве по римскому праву и новейшим законодательствам. СПб., 1884. С. 13.

⁵ Бернштейн К. О существе делегации по римскому праву. СПб., 1870. С. 32.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>

⁷ Нолькен А. М. Указ. соч. С. 16.

ный характер обязательства поручителя. Принимая во внимание тот факт, что задача интерцедента – заменить главного должника, освободив его от ответственности за исполнение обязательства, допустимо заявить, что и заключение договора интерцессии знаменует возникновение дополнительной гарантии удовлетворения требований кредитора. Понимая, что подобное заявление может быть принято с оттенком недоумения, поясним, что в данной ситуации веритель соглашается на преемство долга, без сомнения, усматривая в третьем лице более надежного субъекта обязательства, способного обеспечить возврат его кредита, так как, по мнению М. И. Брагинского и В. В. Витрянского, «от личности должника зависит возможность реального и надлежащего исполнения входящего в состав договора обязательства»⁸.

Свойственна ли придаточная ответственность российскому институту поручительства? Нормы ст. 361 ГК РФ убеждают, что именно эту цель – дополнительное обеспечение гарантий верителя, «преследует» законодатель.

В рамках темы исследования в современном гражданском праве, представляет интерес договор интерцедента с кредитором и поручителя с верителем, в которых четко прослеживаются общие моменты. Последние проявляются в следующем.

Оба договора основываются на добровольном волеизъявлении третьих лиц, но при этом, по мнению А. М. Нолькена, «...необходима наличность, кроме материальных признаков, в том, что главное обязательство есть для интерцедента обязательство чужое, и формальных признаков этого, т. е. необходимо, чтобы и во внешней форме принятия поручителем на себя материально чужого для него обязательства выражалось то, что он принимает, желает принять его на себя именно как обязательство чужое для него»⁹. Авторитетный цивилист акцентирует внимание на необходимости тщательной продуманности при юридическом оформлении правовых отношений с целью уклонения впоследствии, в лучшем случае – от недоразумений, в худшем – от проблем, разрешаемых только судебными органами. Допускаем, что именно по этой причине, в ч. 3 ст. 361 ГК РФ подчеркивается, что условия поручительства, относящиеся к основному обязательству, считаются согласованными, если в договоре поручительства имеется отсылка к договору, из которого возникло или возникнет в будущем обеспечиваемое обязательство. В договоре поручительства, поручителем по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, может быть указано, что поручительство обеспечивает все существующие и (или) будущие обязательства должника перед кредитором в пределах определенной суммы.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в соответствии со ст. 362 ГК РФ договор поручительства должен быть совершен в письменной форме, несоблюдение письменной формы влечет недействительность соглашения. В статьях, посвященных интерцессии, Швейцарского

---

⁸ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 165.

⁹ Нолькен А. М. Указ. соч. С. 57.

обязательственного закона, одного из немногих европейских государств, применяющего институт интерцессии в качестве инструмента преемства долга, этот момент не отражен, но, думается, данный факт не является принципиально важным и не свидетельствует о существенном различии юридических институтов¹⁰. Предполагается, что согласно укоренившимся обычаям делового оборота письменная форма контракта интерцедента с кредитором является само собой разумеющимся фактором.

Составляются соглашения третьими лицами с кредитором. Правда, справедливости ради, нужно отметить, что отечественным, так же как и иностранным законодательством не налагается «эмбарго» на участие основного должника в заключении договора. Е. А. Суханов отмечает, что «встречающиеся на практике договоры поручительства, заключенные сразу тремя сторонами: поручителем, кредитором и должником, не противоречат действующему законодательству (п. 2, 3 ст. 421 ГК РФ) и не изменяют существа поручительства. Такие договоры носят смешанный характер и объединяют в себе элементы договора поручительства и договора об оказании услуг по поручительству»¹¹.

Юридический акт оформления интерцессионной сделки автоматически аннулирует основной договор верителя с главным должником, при регистрации же договора поручительства временной точкой утраты правовой силы предыдущим контрактом является момент, когда «...поручитель приглашен кредитором к платежу, (и) его личное обязательство становится имущественным...»¹².

При вступлении в юридические отношения третьих лиц у последних возникает материальная ответственность, параметры которой у интерцедента и поручителя в равной степени максимальные: у третьего лица в сделке интерцессии – вследствие полной замены главного должника. У поручителя в соответствии с требованиями п. 2 ст. 363 ГК РФ – отвечать перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Заслуживает внимание и сходность правовых отношений третьего лица с должником в юридической сделке интерцессии и последнего с поручителем. Неоспорим факт, что содержание солидарных обязательств не претерпело серьезных изменений со времен римского права. Им по-прежнему присущи: единство обязательства, ответственность каждого должника за его исполнение в полном объеме, право кредитора (кредиторов) требовать с должников полного погашения обязательства всеми доступными и законными средствами. Правда, обращаясь к солидарным обязательствам, признаемся, что едины во мнении с одним из извест-

¹⁰ Швейцарский обязательственный закон (30 марта 1911 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Суханов Е. А. Гражданское право. 2-е изд. М., 2000. С. 142.

¹² Нолькен А. М. Указ. соч. С. 231.

ных российских правовых деятелей С. В. Сарбашем, убежденным в том, что «российский Гражданский кодекс, устанавливая регулирование солидарных обязательств, как бы объединяет режим солидарного долга и солидарной ответственности. Однако между долгом и ответственностью как в теории гражданского права, так и на практике имеются существенные юридические отличия. <...> Законодательство нередко устанавливает именно солидарную ответственность за неисполнение того или иного обязательства. При этом о солидарности в долге не упоминается. В связи с этим возникает необходимость различения этих аспектов. Установление солидарной ответственности само по себе, видимо, не означает солидарности в долге. Иными словами, если третье лицо несет солидарную ответственность, то из этого не следует, что оно обязано и к исполнению в натуре»¹³.

Принимая во внимание умозаключение ученого, находя его вывод весьма состоятельным, полагаем, что оформление договора интерцедента с кредитором обусловлено не чем иным, как возникновением солидарного долга у третьего лица. Приведем в качестве доказательства еще одно суждение С. В. Сарбаша, склонного думать, что «момент возникновения солидаритета обычно совпадает с моментом возникновения самого обязательства, однако солидарность может возникать в ординарном обязательстве и позже, т. е. первоначально обязательство не осложнено множественностью лиц с какой-либо стороны, но впоследствии такое осложнение возникает. Упоминание в судебной практике о том, что солидарные обязательства наступают одновременно у всех солидарных должников по одному и тому же обязательству... не следует воспринимать в отрыве от конкретных обстоятельств данного дела как общее правило. Примером последующего возникновения солидаритета в правоотношении может служить заключение договора поручительства после возникновения основного обязательства»¹⁴. В юридической сделке интерцессии, на наш взгляд, можно наблюдать следующие этапы поступательного движения солидаритета: первый – возникновение солидарности долга с момента договоренности основного должника с третьим лицом, который выразил готовность принять на себя обязательство; второй – солидарность долга дает возможность последнему обратиться с соответствующим предложением к кредитору. Стадия заключения договора интерцессии «уничтожает» возникшую солидарность долга, в связи с полным освобождением главного должника от ответственности. Это обстоятельство позволяет верителю «забыть» о предыдущем субъекте обязательства и в то же время остаться уверенным в возврате своего кредита. Не сомневаемся, что трудно принять наше рассуждение как искомое. Но в качестве доказательства можно представить ч. 3 ст. 175 Швейцарского обязательственного закона. Приведем ее на английском языке, на котором документ выложен в сети «Интернет»: «If the previous debtor is not released from his debt, he may

---

¹³ Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 24.

request that the new debtor furnish security», что в переводе на русский язык звучит следующим образом: «Если предыдущий должник не освобожден от своего долга, он может просить третье лицо о поручительстве»¹⁵. Небольшое текстовое оформление пункта содержит в себе большую смысловую нагрузку относительно нашего исследования, а именно: является еще одним примером общности интерцессии и поручительства, в частности раскрывает в них единый принцип правовых отношений субъектов обязательства – солидаритет.

Аргументированность нашего вывода, полагаем, можно усилить следующим заявлением: императивность российского законодательства не оставляет никаких сомнений в том, что поручителя и должника объединяет солидарная ответственность, так как согласно нормам ст. 361 и 363 ГК РФ поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательств полностью или в части. При неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя.

Отрицает ли изложенная информация присутствие единых черт солидарности у интерцессии и поручительства? Уверены, что градация (расщепление) смыслового значения солидарных обязательств не меняет сущности их содержаний и не лишает возможности признать тождественность правовых отношений ответственных лиц в рассматриваемых юридических институтах.

Более того, есть основание заявить, что именно солидарная обязанность третьего лица и должника (неважно, оформлена ли она в письменном виде или является результатом устной договоренности) разрешает законодателю не требовать категорично соглашения между ними при оформлении акта интерцессии и поручительства. Кредитор вполне удовлетворен волеизъявлением третьего лица взять на себя ответственность за исполнение обязательств должника путем формального закрепления его в совместном договоре. Этот вывод находит подтверждение в норме ч. 1 ст. 176 Обязательственного закона Швейцарии, которая гласит, что принятие долга на себя третьим лицом и освобождение прежнего субъекта обязательства закрепляется договором с кредитором. Российское законодательство кодифицирует это обстоятельство п. 1 ст. 361 и ст. 362 ГК РФ, вследствие чего кредитор получает более надежную защиту от неисполнения своих материальных требований в случае полной замены главного должника при интерцедировании и дополнительную гарантию от поручителя. Упомянув лишь материальные требования кредитора, нельзя не отметить расширения границ инициативы гаранта в российском законодательстве: ему дано право на обеспечение и неденежных (нематериальных, неимущественных) требований на основании нормы

---

¹⁵ См.: Швейцарский обязательственный закон от 30 марта 1911 г. / пер. с англ. В. С. Шевченко. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ч. 1 ст. 361 ГК РФ. В отличие от отечественного кодификатора иностранный закон не акцентирует внимание на трактовке требований, думаем, что по уже ранее высказанной причине – универсальности понятия.

В качестве еще одного доказательства точек «соприкосновения» институтов интерцессии и российского поручительства обратимся к виду договора третьего лица с кредитором. В комментариях к Гражданскому кодексу отмечается, что «договор поручительства является консенсуальным, односторонним и безвозмездным»¹⁶. Не будем подвергать сомнению утверждение отечественных ученых – цивилистов о консенсуальности, безвозмездности и односторонности договора поручительства, проверим наличие этих черт в договоре интерцедента с кредитором. Вспомним, что консенсуальный договор не требует каких-либо условий по оформлению и выполнению, кроме как обоюдного согласия сторон на его заключение. Присутствует ли это условие в договоре интерцедента с кредитором? Безусловно, посылкой его подписания является взаимное волеизъявление сторон: третьего лица и кредитора. В соответствии с ч. 2 ст. 423 ГК РФ безвозмездным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Сторонами договора интерцессии данное условие неукоснительно соблюдается, ибо вносить иное в содержание контракта, значит дать повод для признания его ничтожным. Следующая особенность юридического факта состоит в его одностороннем характере: содержит обязанности только одной стороны (интерцедента) и, соответственно, права, требования другой (кредитора). Таким образом, изложенное позволяет причислить и договор интерцедента с кредитором к разряду консенсуальных, безвозмездных и односторонних, т. е. признать гомогенность договора поручителя и интерцедента. Полагаем надлежащим подчеркнуть при этом производный характер соглашений: законодательство не закрепляет форму и содержание контрактов, не предлагает участникам гражданских правоотношений строго следовать своим указаниям в данном вопросе, кроме незначительного числа рекомендаций, о которых шла речь выше. И такая ситуация разрешает применить единый принцип – принцип свободы договора, устанавливающего обеспечительные меры кредитору, в поручительстве и интерцессии.

Продолжая рассуждение о единых гранях двух институтов, обратимся к ч. 1 ст. 179 Швейцарского обязательственного закона, в которой говорится о том, что интерцедент имеет право на возражения, которые были неотъемлемы от главного должника, против требования кредитора.

Диспозиция нормы ч. 1 ст. 364 ГК РФ созвучна предыдущей и определяет право поручителя выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, если иное не вытекает из договора поручительства.

---

¹⁶ Комментарий к ГК РСФСР / под ред. Е. А. Флейшиц, О. С. Иоффе. 2-е изд. М., 1970. С. 115.

Изложенный материал проецирует лишь одну сторону юридических сделок интерцессии и поручительства: вопросы, связанные со статусом и правовыми отношениями субъектов обязательства, т. е. основного должника с интерцедентом и поручителем. С целью исследовать вопрос более объективно и полно на предмет наличия родственных черт попытаемся подвергнуть анализу позицию кредитора в данных юридических сделках, в частности его права и обязанности. Последнее слово употреблено не случайно, что постараемся доказать в дальнейшем.

При изменении субъектов пассивной стороны кредитор, как и прежде, вправе требовать от должника надлежащего исполнения обязанности, предъявлять к последнему претензии, например требовать привлечения его к ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства и в объеме, зафиксированном в предыдущем соглашении. Аналогичная норма, закрепленная в п. 2 ст. 178 Швейцарского обязательственного закона, принуждает интерцедента выполнить взятое на себя обязательство основного должника в полном объеме и надлежащим образом. Пункт 2 ст. 363 ГК РФ дает более расширенное понятие обязанности поручителя, признавая его ответственным за уплату долга в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Ни иностранное, ни отечественное законодательство не отнимает у кредитора право на отказ от предложений третьего лица принять на себя долг субъекта обязательства или предстать в роли поручителя. Правда, российский кодификатор не регламентирует при этом сроки ответа кредитора на оферту, что, вероятно, допускает безоговорочную самостоятельность третьего лица в установлении точной даты отзыва кредитора. В соответствии же с ч. 2 ст. 177 иностранного обязательственного закона кредитор может объявить о своем согласии в любое время, но третье лицо и должник вправе назначить срок для принятия им своего решения¹⁷. Если ответа не последует и в назначенное время, это расценивается как отклонение предложения.

Расцениваем как право не принимать возражения интерцедента верителем, которые были связаны с личностью основного должника, если они не были отражены в договоре. Данная привилегия кредитора зафиксирована в ч. 2 ст. 179 Обязательственного закона Швейцарии, российский же законодатель считает, вероятно, это обстоятельство безусловным, не требующим оговорки в Гражданском кодексе.

Не усматривая в приведенном материале исчерпывающего перечня прав кредитора в интерцессии и поручительстве, перейдем все же к обязанностям верителя. Они не многочисленны, но являются предпосылками юридической техники заключения договоров интерцессии и поручительства. Так, кредитор обязан отреагировать на волеизъявление

---

¹⁷ Швейцарский обязательственный закон.

третьего лица принять долг в качестве интерцедента или поручиться за исполнение обязательства в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства.

Кредитору надлежит заключить договор с третьим лицом, принимая его предложение. И как результат реализации своих обязанностей кредитор не вправе отказаться от исполнения обязательства интерцедентом или поручителем.

Завершая попытку сопоставления института интерцессии в кодификации законодательства Швейцарии и отечественного института поручительства, приходим к следующим выводам, не претендующим на законоведческую непогрешимость:

1. Элементы интерцессии свойственны юридической технике поручительства. Объяснить это можно тем, что интерцессия была «прародительницей» института поручительства. Наш вывод подтверждается оригинальным высказыванием М. Н. Капустина: «Под понятие об *intercessio* подводились все виды поручительства по договорам: *fidejussio*, *constitum debiti alieni*, *expromissio* и пр. Необходимо было только, чтобы долг, за который лицо ручается, не соединялся с его материальным интересом и чтобы кредитор был для него чужим»¹⁸.

2. Как в российской кодификации института поручительства, так и в швейцарской – института интерцессии, присутствует фрагментарность в отдельных частях правовых конструкций. Отчасти применительно к российскому институту поручительства данный факт можно объяснить создавшейся в стране ситуацией из-за коренной ломки российского законодательства в результате неожиданной смены общественной формации. Наш вывод находит подтверждение в утверждении нашего соотечественника С. В. Сарбаша: «Практика восприятия оборотом данных обеспечительных мер пока весьма незначительна, что объясняется целым рядом причин (новизна и неполнота законодательного регулирования, отсутствие доктринальной проработки, негативное отношение судебной практики, отсутствие достаточной добросовестности участников оборота и др.)»¹⁹.

3. Наши современники являются свидетелями стремительного развития торгового оборота в стране и все возрастающей потребности в юридических сделках, в том числе по преемству долга. Гражданское общество нуждается в законодательном регулировании правовых отношений, способном решать любые проблемы, возникающие в процессе взаимодействия субъектов.

Тщательно разработанные правовые доктрины юридических институтов, регулирующих отношения участников торгового оборота, – перспектива демократического государства. В связи с этим цивилистам предстоит сложные задачи по определению недостатков, противоречий и

¹⁸ Капустин М. Н. Институции римского права. М., 1880. С. 302.

¹⁹ Сарбаш С. В. Некоторые проблемы обеспечения выполнения обязательств // Вестник ВАС. 2007. № 7. С. 15–17.

пробелов в действующем законодательстве с целью создания благоприятных условий для оптимизации системы общественных отношений и прогрессивного развития Российской Федерации.

*Муниципальное казенное учреждение
«Управление образования» (Республика
Саха, Якутия)*

*Шевченко В. С., юрист
E-mail: vera_shevchenko@list.ru*

*Municipal State Establishment «Depart-
ment of education» (Sakha Republic, Yaku-
tia)*

*Shevchenko V. S., Lawyer
E-mail: vera_shevchenko@list.ru*